

фантастическая
история

Книги Андрея Величко
в серии «Фантастическая История»

НАСЛЕДНИК ПЕТРА. ПОДКИДЫШ

**Цикл
«Инженер»**

ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ
МИРОТВОРЕЦ
ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ

**Цикл
«Терра инкогнита»**

ЭМИГРАНТЫ
ВЕК ЖЕЛЕЗА И ПАРА
ЭРА НАДЕЖД

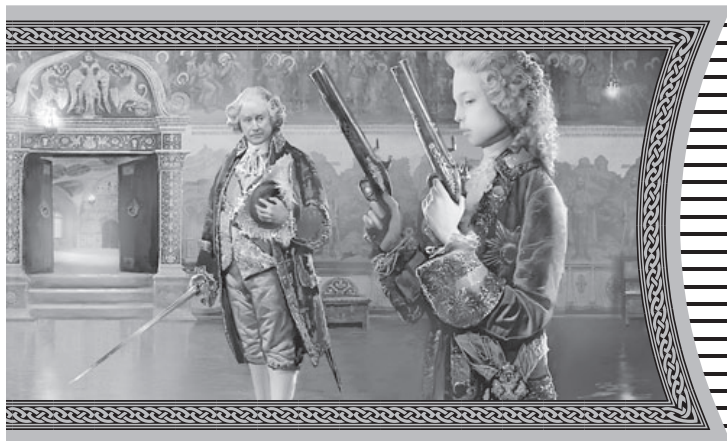
**Цикл
«Приносящий счастье»**

ДОМ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА
ПРИНОСЯЩИЙ СЧАСТЬЕ

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Андрей Величко
Наследник Петра.
Поджигатель

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Величко А. Ф.

В27   Наследник Петра. Подкидыш: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 311 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1559-5

Он вырос, как это принято обтекаемо называть в официальных документах, в неблагополучной семье, и в жизни ему мало чего светило. Однако молодому человеку повезло — на него обратила внимание секретная государственная организация, изучающая возможности перемещений во времени. Его долго учили всему, что может пригодиться в прошлом, а он оказался очень способным учеником. Отчего и был признан лучшим кандидатом на путешествие в восемнадцатый век с весьма и весьма непростым заданием. Сможет ли он выполнить возложенную на него миссию или у этой истории будет счастливый конец?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1559-5

© Величко А. Ф., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

В одном ничем особо не примечательном коттедже по Новой Риге беседовали двое, причем оба были похожи на известных французских киноактеров. Первый чем-то напоминал Жерара Депардьё. И одет он был соответственно — в расстегнутую брезентовую штормовку, из-под которой виднелся сильно подержанный турецкий джинсовый костюм. Картину дополняли растрепанная прическа и дешевые китайские часы на пластиковом ремешке.

Так вот, этот персонаж затушил в сапфировой пепельнице очередную «Яву» и подвел итог предыдущей беседы:

— Итак, мой вывод — приемлемый кандидат у нас есть только один. Не очень приемлемых — еще трое. Остальные одиннадцать вовсе никуда не годятся, попытки задействовать их скорее всего ни к чему, кроме очередных, и очень немалых, расходов, не приведут.

Второй имел несомненное сходство с Аленом Делоном на пике карьеры. Само собой, его раздражали нарочито плебейские вид и манеры собеседника, но он уже давно научился давать волю только тем чувствам, которые шли на пользу делу.

— Так, значит, вы можете поручиться за его управляемость или, точнее, лояльность? — с чуть заметной улыбкой поинтересовался «Делон».

— Разумеется, нет. Но зато я могу гарантировать, что одиннадцать негодных кандидатов после переброя с вероятностью в девяносто процентов сойдут с ума, мои

последние эксперименты это подтверждают. Следующие трое — пожалуй, что и не сойдут. Просто потому что там и сходить-то не с чего. Дубы дубами, выдающиеся даже для нашей эпохи радикальных реформ образования.

— Однако у номера восемь очень даже неплохие оценки.

— Кто же спорит? Зазубрить он может довольно много, а вот мыслить — уже с трудом. Задачи же, требующие для их решения элементов творчества, ему непосильны вовсе. Второй и девятый — то же самое, только у них еще и память существенно хуже. Они, наверное, смогут выполнить задачу на уровне неплохой автоматики, но мы уже знаем, что она не справляется.

— Да, но вот последняя инициатива седьмого номера...

— Это уже не просто инициатива, а неперемное условие. Он согласен на переброс только при его выполнении, а иначе никак. Ну и что? Очередной эксперимент все равно сможет быть произведен не раньше, чем через полгода. Расходы же на пластическую операцию и курс спецподготовки — они просто мизерны по сравнению с основными. Честно говоря, мне понравилась идея парня. Раз для выполнения задачи скорее всего потребуются привлечение дополнительных людских и материальных ресурсов, то есть достаточно высокое положение в обществе, то почему бы сразу не занять того места, на котором оно максимально? Тем более что внешние данные это вполне позволяют.

— Ему же почти восемнадцать лет, а тому мальчишке было всего четырнадцать!

— Да, но Петр Второй пошел в отца, по крайней мере в отношении роста. А Сергей, наоборот, как-то ухитрился не подвергнуться не только тлетворному влиянию ЕГЭ, но и акселерации вообще. Мы проводили компьютерное моделирование — можно достичь почти идеального сходства. Тем более что замену предполагается произвести за несколько часов до смерти объекта, оспа

же в последней стадии человека отнюдь не красит, зато очень легко имитируется.

— Тогда подведем итог. Вы можете гарантировать успех?

— Нет. Но в случае отправки любого другого кандидата я могу гарантировать провал.

— Хорошо, я утверждаю ваши предложения. Если все пойдет штатно, то через месяц жду с текущим докладом.

ГЛАВА 1

Сергей закончил чистку револьвера, одним движением пальца защелкнул барабан на место и убрал оружие в пластиковый кейс. Все, тренировки закончены — и на сегодня, и вообще. Сейчас — ужин с Яковом Николаевичем, после него — два часа в операционной, где лицо и тело украсят имитациями многочисленных оспенных язв. Потом — бессонная ночь, во время которой придется изображать невозможность заснуть от волнения и душевных метаний, и наконец — вперед, орел! То есть назад по оси времени, в далекий одна тысяча семьсот тридцатый год. Кажется, ему, Сергею Новицкому, удалось соблюсти много раз повторенный наказ дяди Виталия: «Главное, чтобы в тебе, вьюнош, сапиенса не заподозрили!» Нет, прикинуться идиотом как раз было бы нетрудно. Но ведь требовалось изображать из себя умного — ровно настолько, чтобы руководство проекта сочло его способным выполнить порученное, но при этом у него не возникло подозрений, что главное действующее лицо грядущего эксперимента может преследовать какие-то свои цели, причем вступающие в решительное противоречие с декларированными. Кажется, это удалось, но окончательно все определится только завтра, в восемь ноль-ноль по Москве.

Молодой человек был доволен. Да, конечно, и тренировки, и изучение многих прикладных дисциплин было бы неплохо продолжить, но что делать. Начальство спешило, и Сергей в глубине души был ему за это благодарен. В конце концов, если все пойдет по планам, то поч-

ти ничего из усвоенного под руководством специалистов Центра не понадобится. Правда, найдет применение то, что изучалось самостоятельно, но это уже другой вопрос.

Зато наконец-то можно будет сбросить эту осточертевшую личину прилежного курсанта, с большим уважением относящегося к Якову Николаевичу, крупному ученому, не жалеющему своего бесценного времени для частого общения с будущим времяпроходчиком. Блин, так и придушил бы этого «Обеликса»! Хотя вряд ли, придушить так просто не получилось бы — нет соответствующего опыта, несколько занятий его не заменят, а мужик он довольно здоровый. Но вот ткнуть заточкой из электрода-пятерки в печень или под лопатку — запросто! Рука не дрогнет, проверено. Или, на худой конец, всадить в толстое брюхо полбарабана из нагановской реплики, что вычищена, засунута в пластиковый контейнер и скоро в числе прочего багажа отправится в начало восемнадцатого века. И с интересом посмотреть, как гад будет корчиться. Эх, мечты, мечты...

Тут Сергей в очередной раз ругнул себя за ребячество. Ладно, хотели его вооружить каким-то небольшим итальянским пистолетом, так и хрен бы с ним, но Новицкий уперся. Мол, пистолет категорически не годится, нужен револьвер. И не какой-нибудь, а с обтюрацией дульцем гильзы, то есть наган, к любому другому глушителя не приспособишь. Причем не простой наган, а с откидывающимся вбок барабаном и экстрактором как у «смит-вессона» — небольшая партия таких была выпущена в тысяча девятьсот десятом году, про это Сергей случайно прочитал в Интернете. Ох и возмутился же гадский старик Яков! Но потом никуда не делся, забегал. Просто приятно было смотреть на его смурное рыло. В конце концов пришлось согласиться на новодел, который, как говорили, обошелся Центру более чем в сто тысяч. Охренеть, даже здесь воруют!

Но, хвала всем богам, осталось совсем немного. Вот только потерпеть за ужином — и все. Но не расслаблять-

ся, несмотря на то что любые странности наверняка будут списаны на естественное волнение перед решающим шагом. Но и полное спокойствие тоже продемонстрировать ни к чему. Тьфу, хорошо хоть осталось совсем чуть-чуть. А потом придется всего лишь изображать Петра Второго, да еще только что чудом преодолевшего смертельную болезнь, — по сравнению с уже проделанным это будет не очень трудно и, главное, совершенно не противно.

Ужин прошел в молчании, Яков не лез ни с вопросами, ни с напутствиями. Потом Сергея проводили в подвал, в котором стояла аппаратура и где ему предстояло провести последнюю ночь в этом мире. Там же располагались техническая служба и медпункт.

Центр являлся вроде бы государственным исследовательским учреждением, созданным под открытие Якова Николаевича Саломатина, и Новицкий был уверен, что в этом определении неправда абсолютно все. Во-первых, насчет государственности можно было говорить только в разрезе вопроса «где начинается полиция и где кончается Бенья?». Впрочем, вряд ли это так уж оригинально. Ведь в любом самом что ни на есть частном ларьке или шиномонтаже при желании можно обнаружить признаки государственности. Если же поглубже копнуть любое взятое наугад министерство, то с высокой степенью вероятности выяснится, что вся его работа вертится вокруг частных, если не сказать шкурных интересов руководства, а все остальное там постольку поскольку. Что уж говорить о каком-то исследовательском центре!

Что касается второй части определения, то тут в отличие от первой Сергею не было нужды ничего предполагать, он знал точно. Да, Саломатин может считать себя автором открытия. На тех же основаниях, на которых грабитель считает себя собственником кошелька, вытащенного из кармана только что убитого им человека. Потому что дядя Виталий умер, и думать о естественности этого события может только дремучий идиот. Ибо в

вопросах, связанных с такими деньгами, счастливых случайностей не бывает, а есть только успешно или неуспешно проведенные операции.

Пока Новицкий с некоторой отстраненностью, вызванной двумя уколами, в который раз неспешно размышлял на вечные темы, ему, сверяясь с последними изображениями объекта, нанесли язвочки на лицо и тело. Это заняло минут сорок, после чего молодой человек надел шелковую ночную рубашу и остался в одиночестве — разумеется, весьма относительном. За дверью маленького бокса дежурили двое, в аппаратной возились техники, а сам бокс был оборудован видеонаблюдением. Но думать это не мешало.

Молодой человек вздохнул, постарался усилием воли участить сердцебиение — мол, он волнуется — и занялся ревизией собственной памяти. По данным ученых, переход в прошлое гарантированно вызывал амнезию, и вопрос был только в том, насколько она будет значительной. По предварительным данным, распределение получалось примерно следующим.

Общее положение — чем старше объект, тем больше он забудет. Человек в возрасте за тридцать при переносе гарантированно вернулся бы в состояние новорожденного — ну, или просто овоща, это уже вопрос терминологии. Трехлетний малыш скорее всего перенес бы путешествие без какого-либо вреда, но кому он там нужен? Среди семнадцатилетних не лишиться большей части памяти мог примерно один из тысячи, да и то гарантий здесь не было. Вот, значит, Сергей, если судить по результатам тестов, и был тем самым «одним из», причем лучшим среди тех, кого удалось подобрать Центру. Случайность? Ученые считали, что да, молодой человек имел несколько иное мнение, но, естественно, держал его при себе.

От нечего делать Новицкий принялся вспоминать что попало, начав с цитат из Священного Писания. Специалисты Центра подобрали ему пятьдесят семь, при-

годных для подтверждения практически любого тезиса, и пятьдесят две, предназначенных уже для опровержения, и тоже чего угодно. Всего цитат было семьдесят пять, потому что почти половина являлась универсальной.

Убедившись, что ни одна не забыта, будущий времяпроходец перешел к мысленному просмотру видеозаписей последних дней жизни объекта. Аппаратура Центра позволяла не только перекинуть в прошлое что-нибудь материальное, но и получать оттуда изображения, причем с гораздо меньшим расходом энергии. Правда, в довольно узком промежутке — от одна тысяча семьсот двадцать восьмого года до тысяча семьсот тридцать второго. Главной задачей Сергея же было смонтировать и запустить маяк, сигнал которого поможет значительно расширить временной диапазон. А потом жить как ему вздумается. Возвращение в двадцать первый век невозможно, и повторное открытие канала тоже, потому что с момента появления Сергея в прошлом там образуется иная реальность, отличная от прошлого нашего мира, в котором в качестве платы за совершенное старшим сыном семья Новицких будет получать пожизненную пенсию, плюс его сестре постараются дать хорошее образование.

Сергей мысленно хмыкнул. Неужели психологи Центра поверили, что любовь к этой алкоголичке, его матери, и дебильной сестре может быть хоть сколько-нибудь серьезным стимулом? Но даже если так, то при чем тут большая пенсия? Мать же окончательно сопьется, только и всего. Поэтому Новицкий на всякий случай демонстрировал, что ему самому будет очень интересно изменить прошлое. Во исполнение чего, тщательно скрывая отвращение, проглотил массу фантастической литературы, где герои, вселившись в тело какого-нибудь царя, за пару-тройку недель выводили Россию в мировые, а то и галактические лидеры. Блин, это же натуральное счастье для авторов, что ему предстоит путешествие в один конец, а то ведь точно прибил бы

кого-нибудь из особо плодовитых для восстановления душевного покоя.

На самом деле объект замены, несчастный внук Петра Первого, был выбран из более прозаических соображений. Кто сможет сразу увидеть подмену, как бы ни старались пластические хирурги?

В первую очередь мать, но ее у объекта нет.

Отец — аналогично.

Близкий друг? Анализ записей показал, что с очень большой натяжкой им мог быть только молодой Долгоруков, да и то не факт, но план по его нейтрализации, естественно, был на всякий случай разработан.

Любящая женщина? Нет ее, Петру Второму всего четырнадцать лет.

И наконец учитель. Но Остерман — человек очень осторожный, да к тому же сильно не любящий Ивана Долгорукова, так что вряд ли он сразу начнет делиться своими подозрениями, даже если они у него и возникнут. Тем более что любые отклонения можно будет списать на чудесное исцеление от смертельной болезни — десяток цитат из только что проверенных были предназначены именно для этого.

Наконец, после выполнения задачи надо будет просто где-нибудь осесть и пожить в свое удовольствие — так почему бы и не на троне?

Дзинькнул зуммер, что означало: до решающего момента остался час, пора занимать место в камере переноса.

ГЛАВА 2

Январь 1730 года выдался холодным, а к Крещению, как и положено, мороз еще усилился. Может, это и стало бы темой для пересудов в высшем свете Москвы, если бы не иные новости, занимавшие умы гораздо больше, нежели капризы погоды. Ведь на восемнадцатое января была назначена царская свадьба! Съехались гости, но

царь внезапно заболел, и теперь народ прикидывал — то ли развезжаться по домам и поместьям, то ли подождать. Потому как царские похороны — зрелище ничуть не менее впечатляющее, чем свадьба. В какой-то мере даже более — ведь в отличие от свадьбы похороны одного монарха могут происходить только один раз, без всяких исключений.

Поэтому в Лефортовском дворце, гордо стоящем на правом берегу Яузы, царило нездоровое оживление. В самом буквальном смысле это слова, ибо молодой император умирал, это уже знали все, вплоть до последнего истопника, и вопрос был только в том, когда свершится это событие и что начнет происходить после него. Ну а пока каждый обитатель дворца в меру сил участвовал в поддержании и расширении ажиотажа.

На третьем этаже главного здания, прямо над покоями умирающего Петра Второго, увлеченно дискутировали лейб-медики.

— Только такой неуч, как вы, мог предполагать лихорадку на почве кишечной меланхолии после жалоб пациента на боли в крестце, — вещал академик Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост. — Ведь оный симптом однозначно указывает на оспу! Которая могла бы и не перейти в смертельную «черную» стадию, если бы вы не ослабили больного своими дурацкими настойками травы бодяги, от коих его рвало желчью. Ваши микстуры годны только на то, чтобы травить ими тараканов, — это единственное, что у вас получается!

— От кого я это слышу? — не остался в долгу профессор Николас ван Бидлоо. — От человека, на руках которого только за последние пять лет умерли Петр Великий, императрица Екатерина и царевна Наталья. Теперь вами загублен последний Рюрикович. Не слишком ли много для одного поганого Блюментроста?!

— Говорят же, что глас народа — глас Божий, — вздохнул Лаврентий Лаврентьевич. — А знаете, как проносят вашу фамилию в том самом народе? «Быдло»! Так оно и есть — Господи, прости меня грешного. Позор

не знать не только азов медицины, но даже истории страны, живя в ней более четверти века. Его величество — Романов, а не Рюрик! Быдло вы необразованное, милостивый государь, и ничего более.

Впрочем, внимательный наблюдатель мог бы заметить, что ученые мужи обличали друг друга без особого энтузиазма. Потому что каждый из них в глубине души был доволен тем, что последний вздох императора примет не он. У постели больного уже почти сутки священнодействовал некий астральный целитель, потомственный кудесник Шенда Кристодемус, спешно вызванный Остерманом из Риги. На него и ляжет ответственность за смерть молодого императора, которой медики, несмотря на различие в диагнозах, единодушно ожидали в ближайшие сутки.

Обер-камергер Иван Долгоруков в начале болезни неотлучно находился у постели царя, но, услышав от Блюментроста, что надежды больше нет, еще днем шестнадцатого января ускакал в свое имение Горенки, и, чем он там сейчас занимался, не знал почти никто. А те немногие, кто знал, помалкивали, потому как Иван, умевший подделывать почерк молодого императора, старательно писал поддельное завещание, согласно которому престол переходил невесте Петра, сестре обер-камергера Екатерине Долгоруковой.

Последние двое суток рядом с царем пребывал его учитель, вице-канцлер Андрей Иванович Остерман. Но вечером восемнадцатого января он, почувствовав упадок сил после двухсуточного бдения, удалился в свои покои, наказав протопопу Василию Пряхину немедленно будить его в случае любого изменения в самочувствии больного. Этот протопоп остался около Петра — читать псалмы и присматривать, чтобы еретический Кристодемус не совершил над больным чего-либо богопротивного.

Остерману удалось поспать всего четыре часа, когда к нему, преодолев сопротивление камердинера, ворвался протопоп. Был он с перекошенной мордой и явно в рас-

строенных чувствах, связно не говорил, а только сум- бурно восклицал:

— Там!.. Господи Иисусе Христе, помилуй раба твое- го грешного! Ваше сиятельство, скорее!

И при этом непрерывно крестился.

Наскоро одевшись, Остерман пошел или, точнее, почти побежал за попом, по дороге вслушиваясь в его не очень членораздельные выкрики. В общем, понять уда- лось немного, да и то оно вызывало серьезные сомне- ния. Якобы над больным сверкнула ярчайшая вспышка, а потом сверху образовался ангел небесный, возложив- ший длань на чело Петра. Видя такое, Пряхин попытал- ся перекреститься, но вместо этого лишился сознания, а придя в себя, обнаружил, что лежит рядом с богомерз- ким кудесником Шендой, тоже пребывающим в бесчув- ствии. Протопоп встал, наконец-то осенил себя крест- ным знаменем и, натываясь на стены, бросился сообщ- ать о сногшибательной новости вице-канцлеру.

— Что с государем? — пропыхтел Андрей Иванович.

Но в ответ было еще раз повторено про ангела, и все.

Первое, что увидел Остерман в покоях императо- ра, — неподвижное тело Кристодемуса, развалившееся у самого ложа больного. Перешагнув через него, ви- це-канцлер схватил лежащую поверх одеяла руку Пет- ра, страшась ощутить могильный холод. Но рука была теплая. И вдруг она слегка сжала пальцы, а потом — о чудо! — Петр открыл глаза.

— Что, Андрей Иванович, испугался? — спросил им- ператор еле слышным шепотом. — Я, честно говоря, тоже подумал, что мой земной путь окончен, и совсем было собрался последовать за сестрой Натальей. Но Господь в милости своей безграничной решил, что мне еще рано, поэтому не бойся, эта хворь меня не убьет.

Сзади икнул, а потом всхрапнул кудесник-целитель. Петр чуть повернул голову, с интересом посмотрел вниз и предложил:

— Распорядись, чтобы его убрали, он свое дело сде- лал, а мне надо сказать кое-что важное.

Пока два дюжих лакея вытаскивали бесчувственное тело Кристодемуса, Остерман немного пришел в себя.

— Где Иван Долгоруков? — спросил тем временем император.

— Отбыл в Горенки.

— Та-ак... — было видно, насколько трудно Петру говорить, но он продолжил: — Перед тем, как мне впасть в забытье, Ванька подсовывал на подпись завещание, где наследницей признавалась Катерина. Я не подписал, а он, вор, так при этом ухмыльнулся... Ох, подоткни подушку, чтобы голова легла повыше. Да, хорошо. Знаешь, когда одной ногой стоишь в могиле, понимаешь то, о чем здоровым никогда бы не догадался. Не так уж нужна была ему моя подпись! Небошь, и сам прекрасно ее нарисовал на поддельной бумаге. Воровство сие надо прекратить, пока оно не дало ядовитых плодов!

Император в изнеможении прикрыл глаза.

— Ваше величество, я немедленно распоряжусь... — начал было потрясенный Остерман, но Петр не дал ему договорить. Открыл глаза, пристально посмотрел на вице-канцлера и чуть дернул щекой, при этом сделавшись чем-то неуловимым настолько похож на своего грозного деда, что по спине Андрея Ивановича побежали мурашки.

— Нет, — тихо сказал больной. — Ты не распорядишься, а сам все исполнишь, причем немедля. Иначе и это будет поручено Миниху.

Остерман непроизвольно сглотнул. Да уж, сей мужлан, не боящийся ни своей, ни чужой крови, колебаться не станет, а потом, не приведи Господь, войдет в такую силу... С чего вдруг государь о нем вспомнил? Но что значит «и это»?

— Слишком многие рядом со мной стоящие на самом деле только и ждали моей смерти, — негромко продолжил Петр. — Мало у меня, оказывается, верных людей, только ты... Я же, хоть и в бесчувствии был, но знаю, что ты не отходил от ложа. Да еще Бурхард Христофор Миних, и все. Но ежели господин вице-канцлер будет

мешкать, то верный человек останется всего один. Иди, Андрей Иванович, только перед этим распорядись, чтобы сюда побыстрее вызвали Миниха. Да скажи, чтобы оба медикуса ко мне больше не заходили — нечего им тут делать, живодерам.

Когда Остерман покинул комнату, Сергей слегка расслабился. Кажется, первая встреча с аборигенами восемнадцатого столетия прошла нормально. Разумеется, это только самое начало, успокаиваться рано, но и причин так уж волноваться тоже нет. В конце концов, если даже у кого-то и возникнут некие подозрения, то, во-первых, они будут очень неуверенными. А во-вторых, всегда можно будет на этого догадливого быстренько натравить одного из тех, кому никакие сомнения неведомы, потому что невыгодны. В общем, слабое подобие действительно смертельно опасных полутора лет в Центре, где любой непродуманный шаг запросто мог стать последним. Но теперь это позади, вся прежняя жизнь тоже, и начинается новая. Которая продолжается уже больше полчаса.

Сергей не помнил, что происходило в последние два часа до переноса. Собственно, именно потому что ученые предполагали высокую вероятность хоть кратковременной, но амнезии, восемь часов до старта не происходило вообще ничего — разумеется, только в боксе, где лежал будущий император Петр Второй.

Перенос являлся мгновенным обменом одинаковых объемов пространства между восемнадцатым и двадцать первым веком, причем форма обменивающихся кусков могла быть произвольной, достаточно сложной и определялась исходной настройкой аппаратуры. Так вот, по сути, в прошлое были перекинуты три объекта, связанные меж собой каналами толщиной менее сотой доли миллиметра.

Первый — это он, Сергей, плюс пять миллиметров вокруг его организма, из-за чего в шелковой рубаше, до

переноса надетой на Петра, в нескольких местах образовались довольно приличные дыры.

Второй — самораспадающаяся флуоресцентная пленка с изображением ангела.

Третий — титановый контейнер, обмененный на полтораста кубических дециметров каменной кладки подвала Лефортовского дворца, — он в двенадцати метрах ниже Сергея. В основном там комплект оборудования для создания и настройки маяка, причем из-за лимита массы весьма неполный, и пять с половиной кило лично для Новицкого. То, что ему разрешили взять в прошлое для обеспечения основной миссии и последующей за ней жизни в новом мире, в том числе уже упоминавшийся наган с пятьюдесятью шестью патронами в стальных многоразовых гильзах.

То есть сейчас на месте Сергея в камере переноса должен лежать полумертвый Петр Второй, а под ним — четверть тонны камней из лефортовского подвала. Плюс мизерный объем воздуха вместо ангельской пленки, который сразу рассеется.

Новицкий в который раз вяло удивился, что за дубы сидели в Центре в качестве психологов. Неужели они всерьез предполагали, будто он, Сергей, поверит, что несчастного мальчишку из прошлого кто-то собирается лечить? А потом вешать себе на шею нешуточный геморрой с его адаптацией в совершенно незнакомом мире, и все это из чистого альтруизма? Да ему тут же делают укол, чтобы не мучился, и быстренько кремируют под видом Новицкого, а безукоризненное заключение о смерти от какой-нибудь вполне естественной причины наверняка давно готово.

Сергей пришел в себя с первых же секунд в новом мире — он даже успел увидеть «ангела» до его распада и услышать, как падают оба находящиеся в комнате. Об этом его предупреждали — находящиеся вблизи переноса получают хороший удар по мозгам, причем интенсивность воздействия будет обратно пропорциональна кубу расстояния от зоны катаклизма. В силу чего клоун, то

есть местный экстрасенс, стоящий у самой кровати, огреб по полной, а поп, пребывавший чуть в отдалении, пришел в себя минут через пять, немного пометался на четвереньках и, наконец приняв положение, близкое к вертикальному, с нечленораздельными подвываниями умчался. Причем, как выяснилось, в правильном направлении, то есть к Остерману — одному из тех людей, на которых поначалу собирался опереться новый император.

Однако на этом размышления Сергея были прерваны. В дверь просунулась лакейская рожа и сообщила:

— Вашество, государь, там этот нехристь очнулся и говорит непотребное!

— Какой именно и что говорит? — поинтересовался Новицкий, постаравшись изобразить царские интонации.

— Прости меня, разумом скорбного, опять забыл, как же его, погань жидовскую, звать... Шалава, что ли? А кричит он, что спас тебя, государь, от неминуемой смерти силою своего таланта, приняв твою болезнь на себя, и требует почестей!

Быстро очухался, прикинул Сергей, а сориентировался еще быстрее. Сейчас, правда, не до него, но в будущем может пригодиться.

Поэтому лакею было сказано:

— Он не жид, а грек, и зовут его Шенда. Скажи, что почести будут, но попозже, а сейчас пусть где-нибудь отдохнет после своего подвига, и не у меня под дверьми. Но с чего это ты, любезный, ломишься к императору без доклада? Еще раз повторится — сгною, а пока бегом выполнять приказ.

Однако бедному труженику дворцового сервиса было суждено тут же нарушить распоряжение его величества. За дверью раздались тяжелые шаги, затем явственный звук плюхи, дверь вновь распахнулась, и в комнату влетел все тот же лакей, причем явно после хорошего пинка.

— Е... его сиятельство генерал-аншеф Миних! — ис-

пуганно проблеял он. После чего могучая лапа взяла лакея за шкирку и выкинула в коридор, а в комнату, аккуратно притворив за собой дверь, вошел поименованный и вполголоса рявкнул:

— Государь, граф Христофор Миних прибыл по вашему повелению!

ГЛАВА 3

Разумеется, все происшедшее не было импровизацией. Миниха и Остермана Новицкий выбрал давно, еще в Центре, а потом консультанты-историки подтвердили, что это наиболее подходящие люди. Оба они неординарные, уже доказавшие свои немалые способности, и оба одиночки. То есть за ними не стоит никакого клана, мечтающего закрепить свою власть, в отличие от Долгоруковых.

Насчет этих последних Сергей был совершенно согласен. Ну только такой своры под боком ему и не хватало! Тем более что в ближайшее время потребуются деньги, а Долгоруковы держали молодого императора на голодном пайке, при этом под себя гребли ну просто бессовестно.

Правда, Сергею советовали обратить внимание еще и на Андрея Ушакова, бывшего и будущего шефа тайной канцелярии, но тут молодой человек решил повременить — у него сложилось впечатление, что именно сейчас Ушаков не имеет реальной силы и, значит, ничем не поможет в разборке с Долгоруковыми. А ее следовало провести быстро, иначе придется жениться, что никак не входило в планы Новицкого. Потому как среди видеоматериалов, отснятых аппаратурой Центра в период с середины одна тысяча семьсот двадцать восьмого года, царская невеста Екатерина попадалась довольно часто. Она сразу не понравилась Сергею внешне, а уж когда дело дошло до эпизода, где эта девица лишала молодого Петра невинности, его мнение о ней окончательно упа-

ло ниже плинтуса. В немалой степени этому способствовал тот факт, что просмотр проходил на занятиях, почти как в школе именуемых «основы сексуальной культуры». Правда, в Центре они проводились индивидуально и не ограничивались только теорией.

Преподавала этот предмет дама лет сорока — судя по фигуре, серьезно занимавшаяся культуризмом. На первом занятии она представилась как Стерлядь, уточнила, что ударение надо ставить на втором слоге, затем процитировала Гёте в переводе Пастернака: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо», — после чего Сергей и пискнуть не успел, как стал мужчиной. Потом был полугодовой курс с занятиями раз в неделю по два часа. Разумеется, Новицкий старательно учился по всем предметам, преподаваемым ему в Центре, но только уроков Стерляди ждал с нетерпением, чему сам был немало удивлен. По завершении курса преподавательница подвела итог:

— Ну, юноша, хотя до полноценного героя-любownika ты еще недотягиваешь, но такая задача перед нами с тобой и не стояла. Зато теперь я уверена, что тебе не снесет крышу, когда первая же встречная шмара покажет сиську или еще что-нибудь. Успехов!

Повернулась и навсегда исчезла из жизни Сергея.

Так вот, по сравнению с этой дамой Екатерина проигрывала по всем статьям, в силу чего первым действием нового императора должно стать расстройство грядущей свадьбы. Вторым — нейтрализация «друга», то есть Ивана Долгорукова. Слишком уж он хорошо знал Петра, поэтому теперь ему самое место где-нибудь в Сибири. Тем более что этот дурак сам так замечательно подставился с поддельным завещанием. Значит, его судьбой займется Остерман — ну должен же он понимать, что иначе в конце концов Долгоруковы его элементарно сожрут! Если же не справится — придется перепоручить дело Миниху.

Этого Новицкий выбрал оттого, что он ему просто понравился. Судя по тому, что дошло до двадцать перво-

го века в документах, Бурхард Христофор Миних за всю свою долгую и богатую событиями жизнь ни разу никого не предавал, хоть и имел к этому немалые возможности.

И теперь, глядя на вошедшего в комнату верзилу, Сергей чувствовал, что его заочные впечатления, похоже, оказались правильными.

— Подойди поближе, генерал, — тихо сказал, почти прошептал император. Причиной этого была какая-то настойка, которой Сергей несколько раз полоскал горло перед самой отправкой в прошлое, и теперь из-за нее першило в глотке, а голос был негромким, хрипловатым и ломающимся. Врачи обещали, что это пройдет примерно через трое суток, но постепенно.

Дело было в том, что аппаратура Центра могла принимать из прошлого только изображение, но не звук. Кое-что удалось воссоздать, расшифровав записанную картину вибрации стекол, но далеко не все и с довольно низким качеством. Поэтому достоверных записей голоса Петра Второго в распоряжении Центра не имелось, и вопрос, похож ли на прототип голос Новицкого, оставался открытым. Вот и было решено симитировать, что в результате перенесенной болезни у молодого императора начал ломаться голос, тем более что в его возрасте такое часто бывает без всякой оспы.

— Еще ближе, мне трудно разговаривать громко, — продолжил Сергей. — И расскажи: что говорят о моей болезни в Москве?

— Что ты со дня на день умрешь, государь, — твердо ответил Миних. — Жалеют тебя, такого молодого. Но в основном народ опасается, что сядет на трон Екатерина Долгорукова и начнется новая семибоярщина.

— А что она сядет — это откуда известно?

— Ходят такие слухи. Кто их распускает — сам таких не встречал, но догадаться не трудно.

— Долгоруковы, — прикрыл глаза Петр. — Как думаешь, смогут они поднять смуту, когда до них дойдет, что все связанные с моими не только смертью, но и свадьбой планы провалились?

— Смогут, государь, — кивнул генерал-аншеф. — Но не захотят. Потому что Алексей Долгоруков ненавидит своего сына Ивана. Василий Лукич, который сейчас сидит в Горенках, не ладит с Василием Владимировичем, фельдмаршалом, потому что тот против Катерины на троне. Голицыны тоже, ибо опасаются слишком уж большого усиления Долгоруковых. И еще... дозволю спросить, государь: ты всерьез решил порушить свадьбу с Катериной? Она, может, и не знает еще, что Ванька с Васькой ее на трон пророчат.

— А может, и знает, — дернул щекой Петр. — Но дело не в этом. Думаешь, почему я заболел перед самой свадьбой, да так, что едва не отправился вслед за сестрой? Предостережение свыше это мне было! За то, что учебе и государственным делам предпочитал охоты и прочие увеселения, да еще и жениться собрался так рано да на первой попавшейся. А как осознал я все это и дал обет отныне остепениться, так болезнь и отступила.

— Неужели правду во дворце шепчут про ангела? — потрясенно вздохнул Миних. — Но позволь, государь, дать тебе совет.

Генерал замолчал, показывая, что он действительно ждет разрешения, а не сказал это просто так.

— Позволяю, — кивнул император.

— Я понимаю, что ты теперь захочешь всех Долгоруковых от власти убрать — так? Дело это хорошее, но только спешить не следует. Прямо сейчас можно окоротить Ивана и Василия, остальные это хоть и с неохотой, но поддержат. Но вот прочих сразу трогать не надо, а следует поручить кому-то тайно разобраться в их воровстве да подготовить про то бумаги, чтобы никаких сомнений не было. А потом, когда кто-то первый против твоей воли пойдет, этим бумагам дать ход да проследить с помощью Остермана и Головкина — этот Долгоруковых всех не любит и спуску им не даст. К тому же он не столь боязлив, как Андрей Иванович. Не гневаешься, государь, за такие мои речи?

— Нет, продолжай.

— Поручить же все надо какому-то бессовестному и пронырливому человечку, да еще с опытом тайного сыска. Есть такой, подлец подлецом, зовется он Андреем Ушаковым. То хорошо, что власти у него сейчас никакой нет, но душонка-то его фискальская как была, такой и осталась! Начнет он под весь тайный совет копать, надеясь возвыситься, и станет тебе поэтому вернейшим слугой. Потому как случись что с тобой — и его хоть Долгоруковы, хоть Голицыны живьем сожрут за розыск-то против своих персон.

— Спасибо за дельный совет. Пожалуй, распорядись, чтобы завтра в обед этот Ушаков здесь был. Далее — есть в Москве полки, которые в случае чего пойдут за тобой, а не за Долгоруковыми? На Преображенский полк я не надеюсь, пока там командиром Василий.

— Семеновским полком командует лейб-гвардии майор Шепелев, он служил под моим началом, это муж верный. Да и Василий — он хоть и Долгоруков, но все же человек чести, не интриган.

— Может, и так, — с сомнением протянул император. — Но он все же Долгоруков, хоть и человек чести. Так что ты, пожалуйста, в отношении него своего Ушакова не ограничивай. Понял, почему я его твоим назвал?

— Да чего ж тут не понять — за него я перед тобой отвечать буду. Отвечу, мне не привыкать.

Император вновь прикрыл глаза. Хотя он уже не был похож на умирающего, но все же Миних ясно видел, насколько ему тяжело говорить. В этом генерал был прав — как раз сейчас Сергей не в самых цензурных выражениях поминал врачей Центра с их гнусной микстурой. Перестраховщики, блин, как будто он без них забыл бы, что говорить надо хрипло и негромко! Потом Новицкий неизвестно почему вспомнил Стерлядь, причем она предстала перед его мысленным взором обнаженной и в крайне соблазнительной позе. «Увы, — вздохнул про себя молодой император, — здесь встреча с такой женщиной мне не светит». И вообще пора возвращаться к прозе новой жизни...

— Иди, Христофор Антонович, у тебя сегодня много дел. Но перво-наперво направь ко дворцу роту Семеновского полка во главе с толковым офицером да представь его мне. И еще — разузнай, где сейчас Головкин. Ежели недалеко, пусть зайдет ко мне прямо сегодня, не откладывая. Да, чуть не забыл — по дороге, будь добр, возьми лакея, коего ты отсюда так лихо выкинул, и закинь его обратно.

— Как тебя звать? — спросил Петр, когда его последний приказ был выполнен.

— Афанасий Ершов, ваше величество!

— Вот что, Афанасий, распорядись, чтобы мне принесли куриного бульону и одежду.

— Так ведь, государь... Это же только с позволения медикусов тебя кормить можно чем их благородия дозволят...

— Что?! Значит, так. Голос у тебя громкий?

— Так точно, вашество!

— Матерно лаяться умеешь? Царю своему послужить хочешь? Тогда прямо сейчас поднимайся к Блюментросту с Бидлоо и обложи их, да так, чтобы я здесь слышал. Вот только хилый ты какой-то... есть у тебя знакомый, чтобы был здоров, как Миних, или даже более?

— Есть, брат мой меньший Федька, но только он умишком-то не очень силен. Зато на кулачках, ой, горазд драться!

— Вот это нам как раз и надо. Значит, говоришь этим коновалам, что отныне не они решают, что мне есть, когда лежать, а когда вставать. Их дело теперь только поддакивать, а коли не поймут, то я прикажу пообщаться с ними твоему брату Федору. Все понял? Сначала — к шарлатанам, то есть медикам, потом бульон, потом одежда. Потом зови сюда брата. Вперед, Афанасий! За мной верная служба не пропадет.

Разыгранная мизансцена, по идее, должна была способствовать выполнению сразу нескольких задач. Перво-наперво следовало удалить от царственного тела

Блюментроста и Бидлоо, потому как они имели возможность его внимательно изучить. А теперь мало ли, вдруг кто-нибудь из них обнаружит отличие, которое пропустили специалисты Центра? Нет уж, пусть лечат кого угодно, но только не императора. Тем более что помирать он, Новицкий, то есть отныне уже Романов, пока не собирается, и обращаться за помощью к этим людям нет никакой нужды, даже если случайно прихворнешь.

Следствием удаления лейб-медиков могло стать возвышение Шенды Кристодемуса, и это вполне соответствовало планам Сергея. Потому как если требуется внедрить в общественное сознание не самую близкую к истине версию какого-нибудь события, то желательно, чтобы этих версий было не меньше двух, причем как можно основательнее противоречащих друг другу. Ведь если вариант будет только один, то народ просто из чувства противоречия придумает свой, отличный от официального. И где гарантия, что он случайно не окажется близок к правде?

Если же изначально версий будет две, то обществу не возникнет никакой нужды что-то придумывать — выбери любую и отстаивай ее с битьем хоть себя в грудь, хоть оппонента по морде.

Так вот, теперь этих самых версий и получалось ровно две. Первая — царя исцелил ангел, вторая — это сделал маг и волшебник Кристодемус. Сам он уже вроде настаивал именно на втором варианте, так и флаг ему в руки! Ведь теперь у грека, если, конечно, он поведет себя правильно, резко повысится количество пациентов. Правильное же поведение подразумевает отстегивание некоего процента его императорскому величеству, о чем целителю в ближайшее же время намекнут. Ну не совсем же этот Кристодемус дурак, чтобы не понимать — в противном случае православная церковь быстро покажет ему, что бывает на Руси за сношения с дьяволом.

Ибо Долгоруковы очень неохотно и помалу давали Петру деньги, а в ближайшее время предстояли расходы. Разумеется, сильно много с этого целителя не полу-

чишь, но ведь он не единственный источник предполагаемого финансирования.

Кроме того, Сергей собирался посмотреть, кто из его ближайшего окружения будет исполнять императорские приказы с энтузиазмом и не раздумывая, а кто — наоборот.

Наконец, была еще одна причина. За полтора года в Центре Сергей свыкся с тем, что постоянная и строжайшая самодисциплина есть первейшая жизненная необходимость, но теперь, когда он наконец-то вырвался на волю, ему просто нестерпимо захотелось хоть чуть-чуть да похулиганить.

ГЛАВА 4

«Вот и подошел к концу мой первый день в новом мире», — подумал молодой человек, которого еще сутки назад все называли Сергеем Новицким, а теперь уже двадцатый час подряд занимающий место Петра Алексеевича Романова, российского императора. Замена произошла около четырех часов утра по местному времени, а сейчас до полуночи осталось несколько минут, и наступит двадцатое января.

Сделано было за этот длинный день даже чуть больше, чем планировалось в Центре. Причем превышение получилось за счет прямого нарушения полученных там инструкций. Сергею было велено доставать контейнер из подвала только тогда, когда его положение окончательно упрочится и можно будет вплотную приступить к монтажу маяка, дабы исключить риск утери оборудования или попадания его в чужие руки. Если же по каким-то причинам на месте Петра Второго усидеть не удастся, Новицкому предписывался побег с последующим поднятием восстания по поводу того, что он, молодой император, захотел дать народу волю, но этому воспротивились бояре. В свое время нечто подобное почти получилось у Пугачева, но ведь Новицкий куда мень-

ший самозванец, чем был Емельян, да и знает побольше. В этом случае контейнер должен быть извлечен уже после успеха данного восстания. Именно из этих соображений груз при переносе был ориентирован в подвал, а не в комнату, где лежал Петр.

В свое время, получив такие инструкции, Сергей спокойно кивнул, но уже тогда подумал, что выполнять такое — это фигурки. Рисковать своей жизнью ради неполного центнера каких-то железяк? Спасибо, обойдемся. Да и вообще проливать чью-то кровь из-за этого тоже ни к чему. Если не выйдет поцарствовать, можно будет спокойно поискать и какое-нибудь другое непыльное место в той жизни.

В общем, Новицкий решил переправить контейнер в место своего более или менее постоянного обитания как можно скорее. Ну а если придется бежать, почти все содержимое лучше бросить. Конечно, ему сильно хотелось выполнить им самим возложенную на себя миссию, хоть и очень похожую на ту, что планировал Центр, но все же немного отличающуюся от нее. Однако это следовало делать без фанатизма. То есть получится — хорошо, даже просто замечательно. Нет — переживем, хотя и с небольшим сожалением. Все равно ведь перекошенную рожу Саломатина, когда он поймет, что именно сделал отправленный им в прошлое парень, увидеть не удастся даже в случае успеха.

Афанасий Ершов, с энтузиазмом наорав на лейб-медиков и организовав приготовление бульона, помог императору одеться, после чего с высочайшего разрешения отправился за братом, коего он и привел в Лефортовский дворец около двух часов пополудни. Поначалу слова лакея о выдающейся физической силе Федора показались Сергею преувеличением — представленный роста был всего чуть выше среднего и не так чтобы уж очень широк в плечах. Но, присмотревшись, Новицкий понял свою ошибку. Сравнительно невысоким брат Афанасия казался из-за сутулости, а также коротких кривых ног.

Руки у него реально доставали до колен и кончались такими узловатыми клещами, при взгляде на которые любые мысли о недостаточной силе их обладателя отпадали напрочь. Но на всякий случай Сергей уточнил:

— Федя, ты шесть пудов унесешь?

— Унесу, государь, — попытался поклониться Федор. — И семь унесу. И восемь тоже осилю, но это уже недалеко, не более версты.

— Отлично. Тогда пока вот тут посиди, а ты, Афанасий, быстро принеси сюда лом или кирку.

Через пятнадцать минут все трое были уже в подвале, и Сергей показал, где начинать рушить каменную кладку. Несколько несильных ударов — и на свет божий оказался ржавый железный угол. Вообще-то контейнер был титановым, но его покрытие специально сделали под ржавчину.

Вскоре ящик был освобожден от камней, и Федор, крикнув, без посторонней помощи закинул его на спину, а потом бодро втащил на второй этаж.

— Что это? — с опаской спросил Афанасий, когда контейнер был поставлен в дальний от двери угол.

— Это клад, спрятанный во дворце еще Александром Даниловичем Меншиковым. Но только... Афоня, Федя, об этом никогда и никому ни полслова, даже на исповеди! Поняли? Будете и дальше мне верными слугами — сам скоро покажу, что там спрятал светлейший князь. А пока выйдите, встаньте у дверей и никого сюда не пускайте, пока я не скажу, что можно.

Кодовый замок, замаскированный под заклепки, сработал нормально, и Сергей откинул крышку. Первым делом из контейнера был извлечен наган — просто потому что он лежал сверху. Пока Новицкий не считал ситуацию настолько угрожающей, чтобы револьвер стал предметом первой необходимости, но с ним было как-то спокойнее. Петли пяти верхних пуговиц камзола были уже слегка потерты, над этим молодой человек лично потрудился сразу, как только получил это похожее на шинель одеяние. Теперь распахнуть верхнюю часть при

необходимости можно было одним рывком, не тратя времени на расстегивание. Эрзац-кобура из двух шелковых платков и куска веревки, ободранной с какой-то портьеры, тоже была готова. Заняться этим рукоделием пришлось из-за лимита веса: при наполнении контейнера экономили каждый грамм, и ничего, что можно было хоть как-то сделать в восемнадцатом веке, туда не попало.

Сергей проверил, удобно ли доставать оружие, после чего застегнул камзол и вынул то, ради чего он, собственно, и затеял досрочное извлечение контейнера из подвала. С виду эта вещь напоминала небольшую тонкую книгу в кожаном переплете, с золотым православным крестом посередине и буквами «ОАА» снизу, выполненными в старославянском стиле. Внутри же находился обычный планшетный компьютер, только в исполнении «милитари». Буквы по идее означали «Откровения апостола Андрея», и несколько подходящих текстов действительно имелось в планшете. Это был один из самых необходимых для выполнения задания приборов, поэтому Центр даже пошел на дублирование — второй точно такой же планшет, только замаскированный под икону, лежал на самом дне. Его Новицкий доставать не стал. Он и «книгу» вытащил вовсе не из желания немедленно приступить к исполнению инструкций Саломатина. Нет, на ближайшие несколько дней у Сергея были несколько иные планы, и планшету в них отводилась немалая роль.

За дверью послышался какой-то шум, потом раздался выкрик Федора:

— Осади, барин, не доводи до греха!

— Что там? — спросил Сергей, подойдя поближе. — А, генерал-аншеф... Христофор Антонович, не обижайся на Федора, это я ему приказал никого не пускать, а про то, что тебе можно без доклада, сказать забыл.

— Государь, твой приказ выполнен, первый плутонг головной роты лейб-гвардии Семеновского полка под

командованием поручика Губанова прибыл ко дворцу, вся остальная рота к завтрашнему утру будет расквартирована в казармах. А откуда, дозволь спросить, у тебя этот новый охранитель взялся? Не мужик, а какой-то зверь гамадрил, право слово.

— А ты их что, видел?

— Нет, про сих зверей рассказывал Абрам Петрович Ганнибал. Очень он их красочно описывал, особенно когда бывал сильно выпимши.

— Кстати, а где он сейчас?

— В ссылке, в Томске. Отправлен туда за неодобрение возвышения Меншикова после смерти Петра Алексеевича.

— Но ведь светлейший сам давно в Березове! Кажется, говорили, что он там уже умер. А бедного негра, получается, до сих пор держат в Сибири? Ему же там небось холодно! Это непорядок. Как его можно исправить?

— Напишите указ, государь, тайный совет его подтвердит без пререканий, им сейчас не до того.

— Вот ты и напиши, причем сегодня же, и представь мне на подпись. Я слышал, что этот арап стал толковым инженером?

— Так точно, ваше величество.

— Тогда его тем более надо вызвать в Москву, и побыстрее.

Дальше Миних рассказал, как отреагировала столица на весть о выздоровлении императора. В народе особых волнений не наблюдалось — то ли людям было все равно, то ли они и раньше не очень верили в неизбежность летального исхода. А вот гости, собравшиеся на царскую свадьбу (сам Миних тоже оказался в старой столице именно по этому поводу), пребывали в недоумении. Мол, когда вместо свадьбы начали светить похороны, это было еще ничего — тоже весьма красочное зрелище. Однако теперь ладно там похороны отменяются, в этом-то как раз ничего плохого нет, но ведь и свадьба

тоже! Типа, а за коим же мы тогда здесь собрались, войдя, между прочим, в немалые расходы?

Верховный тайный совет заседает с одиннадцати утра, но пока ни к какому определенному решению не пришел. Собрался он не в полном составе — отсутствовали Василий Лукич и Иван Алексеевич Долгоруковы. Собственно, Совет и решал, что с ними теперь делать. Предложение Остермана и Головкина — самих смутьянов в ссылку, имущество в казну — единодушной поддержки не получило. То есть первая часть особых возражений не вызывала — всем было понятно, что слишком прытких Ивана и Василия пора так или иначе укоротить. Но вот по поводу имущества имелись разночтения. Долгоруковы, судя по всему, вообще хотели разделить его внутри семьи, несмотря на беспрецедентность такого решения. Однако против них единым фронтом встали Голицыны при поддержке Остермана с Головкиным. Похоже, наибольшие шансы имело компромиссное предложение Михаила Голицына — имущество конфисковать, но до совершеннолетия государя, которое наступит через два года, оставить под опекой Верховного тайного совета.

— Небось растащат, воры, за два года все до последней копейки, казне только долги останутся, — подвел итог Миних.

— Так это и хорошо! Тащить-то будут в разные стороны, да еще в условиях недостатка времени и жесткой конкуренции. Каждый небось с превеликим удовольствием расскажет Ушакову о делах недругов, тому только записывать останется.

Сейчас Сергей без особой опаски демонстрировал мысли и поведение, совершенно несвойственные предыдущему Петру Второму. Потому как Миних до сих пор с царем был знаком очень мало, пребывая в должности правителя Петербурга, а в Москву являясь только изредка в отличие от Остермана. Вот с Андреем Ивановичем следовало вести себя более осторожно. Впрочем, в ближайшие два-три дня вице-канцлер будет очень си-

льно занят. Когда же у него вновь появится время на частые и продолжительные посещения Лефортовского дворца, там уже произойдут большие перемены.

— Задумал я тут навести порядок, а то прямо не покои императора, а какой-то проходной двор, — начал излагать Сергей. — За этой дверью отныне всегда должны стоять на часах три солдата, еще трое — отдыхающая смена — находиться неподалеку в полной готовности. Пускать ко мне будут только с разрешения дежурного камердинера. Это касается всех, кроме тебя, Христофор Антонович. Организацией караульной службы пусть займется поручик, коего ты привел сюда. Если у него хорошо получится — так и останется в этой должности.

— А камердинером будет этот Афоня? Быстро пошел в гору, стервец.

— Да, причем не простым, а главным. Но не тебе, генерал, ему завидовать! Нас с тобой ждут великие дела. Ведь не для того же ангел исцелил меня, чтобы я продолжал пробавляться прежними игрушками!

После Миниха император побеседовал с Ершовым, который еще не подозревал о своем высоком карьерном взлете. Услышав же подробности, он робко осведомился:

— А как же их благородие мажордом?

Сергей, подумав, разъяснил:

— Мажордом — это по-русски будет старший по дому, так он им и останется. Его дело — следить за дворцом, чтобы он и далее стоял, как раньше. А ты — главный камердинер, то есть старший над людьми, которые будут обслуживать мою особу. Сам их подбери, но помни — за каждого, если он учинит какое воровство, спрос будет с тебя. И тех, кого выберешь, ты первым делом представь мне.

— Брата Федьку тоже?

— Нет, его я уже видел. И он будет не камердинером, а... ну, скажем, особоуполномоченным.